

приемы, почти недоступные безграмотному народу, был свободен в выборе между множеством народных песен и в их расположении, так как он, сверх того, обладал и другими материалами, то напрасно и ожидать полного совпадения между песнями дигеновскими и текстом поэмы“ (67—68). Из этого отрывка видно, что Дестунису удалось предвосхитить ряд выводов будущих исследователей византийского эпоса.

Несколько замечаний о византийском эпосе сделал Н. С. Тихонравов в докладе на VIII Археологическом съезде в Москве (23.I 1890 г.)¹¹⁰. Доклад этот посвящен обнаруженному ученым новому списку „Девгениева деяния“, названному его именем. Тихонравов дает краткий очерк истории открытия греческой поэмы, следуя в основном Сафе и Лерграну. Он предполагает существование на Руси двух независимых переводов „Дигениса Акрита“, восходящих к разным греческим редакциям и послуживших основой, с одной стороны, для Мусин-Пушкинской и Тихонравовской редакций повести, с другой, — для Погодинской (273). Греческий оригинал русской повести, по его мнению, представляет более древнюю редакцию поэмы, нежели *T* (274). О *ГФ* и *Э* Тихонравову еще не было известно.

Интересные параллели между „Дигенисом Акритом“ и сербскими песнями о Марко Кралевиче провел М. Халанский¹¹¹, предположивший существование древнеболгарских переводов отдельных эпизодов греческой поэмы, распространявшихся южнославянскими певцами (451). А. В. Рыстенко сопоставил легенду о святом Георгии и драконе со сценой битвы Дигениса со змеем¹¹², считая, что отдельные детали этой сцены (например сон героя перед битвой) перешли из „Дигениса Акрита“ в песни о Георгии (416).

В 1922 г. вышло в свет исследование М. Сперанского о „Девгениевом деянии“¹¹³. В начале работы содержится очерк истории открытия различных версий „Дигениса Акрита“ (5—12). Из сопоставления отдельных отрывков *T* и Тихонравовской редакции Сперанский заключает, что редакция эта является переводом, а не пересказом греческого оригинала (41, ср. 81), который мог быть как прозаическим, так и стихотворным (43). Оригинален этот, по его мнению, „в начале текста был довольно близок к оригиналу... Трап. и Andr.; но чем дальше, тем, по-видимому, отклонений от этого прототипа Трап., Andr. было больше“ (47—48, ср. 56). Оригинален „Девгениева деяния“, по его мнению, древнее прототипов известных нам версий греческой поэмы (96, ср. 130); соответственно более древней он считает и сцену победы Девгения над императором (96—98), предвосхищая, таким образом, теорию А. Грегуара. Мы не останавливаемся здесь на обстоятельном, до сих пор сохраняющем свое значение анализе Сперанским редакций „Девгениева деяния“. Отметим лишь его заключительные выводы. Сперанский считает, что древнерусский перевод был один¹¹⁴ и был сделан прямо на русский язык, без югославянского посредства, не позднее XII—XIII вв. (130). Он замечает, что греческий оригинал повести „не имел деления на книги (*λόγοι*), подобно дошедшим греческим текстам, а распался

¹¹⁰ Сочинения Н. С. Тихонравова, т. I. М., 1898, стр. 256—274; примечания, стр. 85—86.

¹¹¹ М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского бытового эпоса, II. Варшава, 1894, стр. 450—452.

¹¹² А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, 1909, стр. 412—417.

¹¹³ М. Сперанский. Девгениево Деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. Сборник ОРЯС, т. 99, № 7, Пгр., 1922, стр. 1—165.

¹¹⁴ Ср. противоположную точку зрения Тихонравова.